

А. В. Кондрико

СИСТЕМА КАЗАЧЬЕГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ
В РАМКАХ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
НА ПРИМЕРЕ ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ
В СЕРЕДИНЕ XVII – КОНЦЕ XVIII ВВ.

ПРОМЕТЕЙ

Андрей Кондрико

**Система казачьего
самоуправления в рамках
российской государственности
на примере Запорожской Сечи
в середине XVII – конце XVIII вв.**

«Прометей»

2017

УДК 94
ББК 63.3(2)

Кондрико А. В.

Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи в середине XVII – конце XVIII вв. / А. В. Кондрико — «Прометей», 2017

ISBN 978-5-906879-27-1

«Современная Россия, являясь правопреемницей Советского Союза, сталкивается со многими проблемами, основанием для возникновения которых послужила крупнейшая геополитическая катастрофа XX века – распад СССР. Постепенно нарастают конфликты и противоречия в бывших советских республиках. Однако вместе с тем на постсоветском пространстве появляются и реализуются тенденции к экономической и военно-политической интеграции. Сложившаяся ситуация способствует тому, чтобы более серьезно обратиться к истории тех территорий, которые ранее входили в состав СССР, а до этого в состав Российской империи. Так, например, конфликт, который в настоящее время возник на Украине, имеет глубокие исторические корни. Регионы Украины имели в своей истории различные взаимоотношения с Россией. В этой связи актуальным моментом является изучение истории Запорожской Сечи, в свое время контролировавшей земли современных Запорожской, Днепропетровской и Херсонской областей современной Украины. Тем более, что Запорожская Сечь обладала внутренней самостоятельностью и своей особой системой самоуправления. Кроме того, Запорожская Сечь оказывала огромное воздействие и на другие территории Украины. Отголоски такого воздействия проявляются и в настоящее время. Об этом свидетельствует особенности политической борьбы, способы воздействия на действующую власть, а также силовой захват власти с опорой на часть населения, который недавно произошел

на Украине. Даже пресловутый «майдан» – и тот в какой-то мере перекликается с традицией народовластия существовавшей у запорожских казаков...»

УДК 94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-906879-27-1

© Кондрико А. В., 2017
© Прометей, 2017

Содержание

Введение	7
Глава 1	12
1.1. Вопрос о происхождении казачества и преемственности системы самоуправления Запорожской Сечи	12
1.2. Условия, в которых образовалась и существовала Запорожская Сечь	21
1.3. Система самоуправления Запорожской Сечи	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Васильевич Кондрико
Система казачьего самоуправления в
рамках российской государственности
на примере Запорожской
Сечи в сер. XVII – кон. XVIII вв

© Кондрико А.В., 2017

© Издательство «Прометей», 2017

* * *

Введение

Современная Россия, являясь правопреемницей Советского Союза, сталкивается со многими проблемами, основанием для возникновения которых послужила крупнейшая геополитическая катастрофа XX века – распад СССР. Постепенно нарастают конфликты и противоречия в бывших советских республиках. Однако вместе с тем на постсоветском пространстве появляются и реализуются тенденции к экономической и военно-политической интеграции. Сложившаяся ситуация способствует тому, чтобы более серьезно обратиться к истории тех территорий, которые ранее входили в состав СССР, а до этого в состав Российской империи. Так, например, конфликт, который в настоящее время возник на Украине, имеет глубокие исторические корни. Регионы Украины имели в своей истории различные взаимоотношения с Россией. В этой связи актуальным моментом является изучение истории Запорожской Сечи, в свое время контролировавшей земли современных Запорожской, Днепропетровской и Херсонской областей современной Украины. Тем более, что Запорожская Сечь обладала внутренней самостоятельностью и своей особой системой самоуправления. Кроме того, Запорожская Сечь оказывала огромное воздействие и на другие территории Украины. Отголоски такого воздействия проявляются и в настоящее время. Об этом свидетельствуют особенности политической борьбы, способы воздействия на действующую власть, а также силовой захват власти с опорой на часть населения, который недавно произошел на Украине. Даже пресловутый «майдан» – и тот в какой-то мере перекликается с традицией народовластия существовавшей у запорожских казаков.

В нашей стране продолжается развитие государственных институтов и системы местного самоуправления. Для наибольших успехов на этом поприще необходимо иметь опору на собственные исторические традиции, а не слепо копировать зарубежные. Современная государственная система России должна использовать опыт демократических институтов, имевших место в отечественной истории. Безусловно, одним из таких институтов являлась и Запорожская Сечь. Развитие местного самоуправления играет важную роль в деле обеспечения прав человека и его социальной защищенности и требует учета истории каждого конкретного региона страны. Это особенно актуально для казачьих регионов, если учесть, что с 90-х годов XX века начались процессы возрождения казачества, а наследницей традиций Запорожской Сечи в нашей стране является Кубань.

Кроме того, процесс возрождения казачества вызвал официальное вхождение казачьих представителей в государственные структуры. Также в 2005 году был принят Федеральный закон «О государственной службе российского казачества»¹. Это свидетельствует о том, что появляются тенденции использования казачества в государственных целях. Однако все это еще находится в малоразвитом состоянии, так как развитие казачества имеет гораздо больший потенциал. Обращение к истории казачьих войск позволит изменить такое положение вещей, дав материал для административной и юридической основы в дальнейшем формировании государственной казачьей службы, и позволит обеспечить историческую преемственность в деле возрождения казачества.

Таким образом, обращение к истории самоуправления Запорожской Сечи и ее взаимоотношений с Россией с середины XVII века по конец XVIII позволяет выявить рациональные элементы, которые можно было бы воплотить в жизнь. Все вышеперечисленные основания в рамках вынесенной в заглавие темы исследования подтверждают актуальность изучения и исторического осмысления процессов формирования системы самоуправления запорож-

¹ См.: Федеральный Закон от 05.12.2005 № 154—ФЗ «О государственной службе российского казачества» // СЗ РФ от 12 декабря 2005 г. № 50 ст. 5245 (в редакции ФЗ от 24.11.2014 № 363—ФЗ // СЗ РФ от 1 декабря 2014 г. № 48 ст. 6644)

ских казаков и процессов взаимоотношений Запорожской Сечи с Россией. Основные выводы нашего исследования могут послужить фундаментом для лучшего понимания современных процессов и явлений, особенно учитывая, что эти процессы и явления имеют много аналогий с прошлым.

В работах ученых К. А. Пажитнова, В. В. Леонтовича, Б. Б. Веселовского, Г. Е. Львова, Т. Полнера были разработаны научные основы понимания системы самоуправления². Эти труды содержат описание последовательности становления и конкретной деятельности земских органов самоуправления России. Несмотря на исследовательскую полноту названных работ, они не рассматривают казачье самоуправление. Другие исследователи затем отчасти восполнили этот пробел. К ним относятся, например: И. Л. Селиверстова, Е. Н. Королева, Ю. В. Лебедкин, И. И. Золотарев и другие³. Однако их работы имели узкую специализацию. Таким образом, система самоуправления Запорожской Сечи осталась неизученной.

Историография рассматриваемой проблемы может быть разделена на несколько периодов по принципу оценочного отношения к Запорожской Сечи и ее системе самоуправления.

Первый период (начало XIX века – 1917 год). Дореволюционная историография по нашей теме связана с общим рассмотрением истории казачества, а вместе с ним и Запорожской Сечи. При этом затрагивались и отдельные элементы внутреннего управления у запорожских казаков и их отношений с Россией. В этом ключе проводили свои исследования следующие историки: Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и другие⁴.

Н. М. Карамзин например, считал казаков сборищем бродяг, хотя и необходимых России в качестве щита⁵.

В этот период выделялись и достаточно крупные исследования запорожского казачества. К таким исследованиям можно отнести труды: Д. И. Эварницкого, П. П. Короленко, Ф. А. Щербины, С. И. Мышецкого, А. А. Скальковского, А. И. Ригельмана, Н. М. Сементовского⁶.

Из всех названных историков особенно следует выделить Д. И. Эварницкого, так как он провел огромную работу, связанную с собиранием фактических материалов по истории Запорожской Сечи⁷. Его работы содержат материалы из южнорусских летописей, польских хроник, мемуарной литературы. В трудах Д. И. Эварницкого содержится описание многих элементов системы самоуправления Запорожской Сечи и документальных свидетельств взаимоотношений запорожских казаков с российским правительством. Однако в его исследо-

² Пажитнов К. А. Городское и земское самоуправление. – СПб., 1913; Львов Г. Е., Полнер Т. Наше земство и пятьдесят лет его работы. – М., 1914; Леонтович В. В. История либерализма в России (1762–1914). – М., 1995; Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. – СПб., 1909. – Т. I–II.

³ Селиверстова И. Л., Королева Е. Н., Лебедкин Ю. В. Казачество и земство в России и на Орловщине. – Орел: Лебедкин, 1998; Золотарев И. И. Казачье самоуправление на Дону: с XIV в. до наших дней. – Ростов н/Д, 1999.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. – СПб., 1842. – Т. VIII. Кн. 2; Соловьев С. М. Сочинения. История России с древнейших времен. – М., 1873. – Кн. 4. Т. VIII; Ключевский В. О. Курс русской истории. – М., 1956. – Т. 1. Ч. 1; Платонов С. В. Очерки по истории смуты в Московском государстве. – М., 1937.

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. – СПб., 1842. – Т. VIII. Кн. 2. – С. 86.

⁶ Эварницкий Д. И. История запорожских казаков: В 3 т. – СПб., 1892–1897; Короленко П. П. Двухсотлетие кубанского казачьего войска 1696–1896: Исторический очерк. – Екатеринодар, 1896; Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска: В 2 т. – Екатеринодар, 1910–1913; Мышецкий С. История о казаках запорожских. – Одесса, 1852; Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша запорожского. – Одесса, 1846. – Ч. 1–3; Ригельман А. История о казаках запорожских, как оные из древних лет зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся. – М., 1847; Сементовский Н. Старина Малороссийская запорожская и донская. – СПб., 1846.

⁷ Эварницкий Д. И. Сборник материалов для истории запорожских казаков. – СПб., 1888; Эварницкий Д. И. Запорожье в остатках старины и преданиях народа. – СПб., 1888; Эварницкий Д. И. Вольности запорожских казаков: историко-топографический очерк. – СПб., 1890; Эварницкий Д. И. История запорожских казаков: В 3 т. – СПб., 1892–1897; Эварницкий Д. И. Источники для истории запорожских казаков: Сб. док.: В 2 т. – Владимир, 1903; Эварницкий Д. И. Две поездки в Запорожскую Сечь Яцека-Зеленского – монаха полтавского монастыря в 1750–1751 гг. – Екатеринослав, 1915.

ваниях следует отметить тенденциозность и чрезмерную идеализацию запорожского казачества.

Труды А. И. Ригельмана основаны на личных наблюдениях и опросах казаков, так как он, являясь военным инженером, участвовал в строительстве крепости Дмитрия Ростовского на Дону. Собранные им свидетельства и наблюдения представляют особую ценность, так как он отразил в своем труде традиции самоуправления запорожских и донских казаков⁸.

К научным трудам, авторы которых также являлись очевидцами событий из истории Запорожской Сечи, относятся работы Н. М. Сементовского, С. И. Мышецкого и А. А. Скальковского⁹. Приведенный ими материал содержит описание демократических процедур, существующих запорожской системе самоуправления и обычаев запорожцев.

Ф.А. Щербина, Е. Д. Фелицын и П. П. Короленко¹⁰ являлись исследователями кубанского казачества. Однако их работы содержат материалы и по истории Запорожской Сечи, которая во многом являлась прародительницей для кубанских казаков. Тем не менее, несмотря на обилие статистических данных и фактографии, запорожскому казачеству ими уделено недостаточное внимание.

Таким образом, дореволюционная историография содержит большое количество исследований по различным аспектам истории запорожского казачества. Многие авторы к тому же являлись современниками части описываемых ими событий. Но, несмотря на это, осталось много нерассмотренных вопросов, относящихся к системе самоуправления Запорожской Сечи и взаимоотношениям России и запорожцев.

Второй период (1917 г. – конец XX в.). Советская историография характеризуется небольшим интересом к истории Запорожской Сечи, как и остального казачества. По сути, истории Запорожской Сечи была посвящена только одна крупная работа. Ее автором был В. А. Голобуцкий¹¹. Так как в Советском Союзе в науке господствовала марксистская идеология, исследования В. А. Голобуцкого направлены на проблемы социально-экономической истории Запорожской Сечи. Большое внимание он уделяет изучению социального неравенства и классовой борьбы в среде запорожских казаков. Однако его научный труд содержит в себе и фрагменты исследований, посвященных рассмотрению военно-административного устройства Сечи и устройства ее самоуправления. Следует также заметить, что в советский период казачество подвергалось разнообразным нападениям. Поэтому необходимо подходить с должной осторожностью к названному исследованию.

Англо-американская историография, рассматриваемого нами периода, содержит несколько интересных работ, посвященных истории Запорожской Сечи. Это монография Р. Мак-Нила «Царь и казачество»¹² и книга Дж. Патрика Марча «Казачье братство. Запорожский Кош на Днепре»¹³. Р. Мак-Нил в своей работе уделяет большое внимание ликвидации Запорожской Сечи, анализируя отношение Екатерине II к казачеству. Он также делает вывод, что запорожцы были превращены с XVIII в. в привилегированное сословие. Дж. Патрик Марч рассматривает всю историю Запорожской Сечи, уделяя внимание и ее самоуправлению.

⁸ Ригельман А. История о казаках запорожских, как оные из древних лет зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся. – М., 1847; Ригельман А. История о донских казаках. – М., 1846.

⁹ Сементовский Н. Старина Малороссийская запорожская и донская. – СПб., 1846; Мышецкий С. История о казаках запорожских. – Одесса, 1852; Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша запорожского. – Одесса, 1846.

¹⁰ Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска: В 2 т. – Екатеринодар, 1910–1913; Фелицын Е. Д. Кубанское казачье войско (1696–1888 годы). – Воронеж, 1888; Короленко П. П. Двухсотлетие кубанского казачьего войска 1696–1896: Исторический очерк. – Екатеринодар, 1896.

¹¹ Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. – К, 1957.

¹² McNeal, Robert N. Tsar and Cossacs, 1885–1914. – L., 1987.

¹³ G. Patrick March. Cossack of the Brotherhood. The Zaporog Kosh of the Dniepr River. – N. Y., 1990.

Таким образом, в советский период изучение системы самоуправления Запорожской Сечи практически не проводилось, а историков больше интересовала область социально-экономических отношений.

Третий период (начало 90–х гг. XX в. – начало XXI в.). Современная отечественная историография характеризуется возрождением интереса к казачеству, что обусловлено глубинными изменениями в жизни страны. Развитию интереса к истории казачества, а значит и к истории Запорожской Сечи, способствуют также шаги государства по возрождению казачества в России. Благодаря этому начали появляться работы, посвященные истории взаимоотношений государства и казачьих войск. К ним можно отнести диссертации О. И. Копаневой, Т. К. Махровой и других¹⁴.

Наибольшую актуальность для нашей работы представляет кандидатская диссертация И. В. Бенку¹⁵. Автор исследует системы самоуправления трех казачьих войск: донского, запорожского и кубанского – с начала XVIII века по 1860 год. Однако, несмотря на большое количество фактографического материала, в названной работе мало аналитических выводов и практически отсутствует глубокое рассмотрение особенностей системы самоуправления запорожских казаков.

Приведенный историографический обзор, позволяет сделать вывод о том, что на изучение системы самоуправления Запорожской Сечи и ее оценку влияла политическая ситуация в стране в каждый из рассмотренных периодов. Следует также заметить, что, несмотря на большое количество работ различного времени написания, соприкасающихся с темой нашего исследования, они во многих случаях имеют бессистемный характер и фрагментарные сведения. Кроме того, научные труды посвящались либо отдельным вопросам истории Запорожской Сечи, не захватывая тему нашей работы, либо рассматривали систему самоуправления запорожских казаков вместе с другими системами казачьего самоуправления, что приводило к поверхностному рассмотрению вопроса. Специального же исследования, посвященного рассмотрению системы самоуправления Запорожской Сечи в рамках российской государственности, еще не проводилось. Поэтому многие аспекты проблемы остаются неосвещенными.

При написании настоящего научного труда задействован широкий круг опубликованных и неопубликованных источников.

К группе *опубликованных источников*, главным образом, относятся законодательные акты (манифесты, положения, указы, определения правительственного Сената и др.)¹⁶ Большинство из них содержатся в Полном собрании законов Российской империи. Собранные в нем правовые документы, дают большой материал для рассмотрения правительственной линии поведения в отношении Запорожской Сечи.

Опубликованные документы, содержащие в себе важную информацию о взаимоотношениях Запорожской Сечи и России, содержатся в трудах: П. П. Короленко, Д. И. Эварницкого, А. Андреевского¹⁷. Эти труды содержат некоторые архивные материалы, материалы по делопроизводству, связанному с казачьими делами, а также содержат переписку запорожцев с российским властями и некоторые законодательные акты.

¹⁴ G. Patrick March. Cossack of the Brotherhood. The Zaporog Kosh of the Dniepr River. – N. Y., 1990.

¹⁵ Бенку И. В. Система казачьего самоуправления с XVIII в. по 1860 год: на примере Донского, Запорожского и Черноморского казачьих войск: Дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2005.

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: В 45 т. – СПб., 1830. – Т. 1—20; Эварницкий Д. И. Источники для истории Запорожских казаков. – Владимир, 1903.

¹⁷ Короленко П. П. Материалы по истории войска Запорожского, извлеченные из дел Харьковского исторического архива. – Харьков, 1896; Эварницкий Д. И. Источники для истории Запорожских казаков. – Владимир, 1903; Андриевский А. Материалы по истории Запорожья и пограничных отношений (1743–1767). – Одесса, 1893.

Свидетельства очевидцев о событиях, происходивших в разные моменты истории Запорожской Сечи, также представлены в отдельных описательных работах и мемуарах¹⁸. Эти работы содержат свидетельства местных жителей, бывших казаков, путешественников и паломников. Они важны для нашего исследования, так как помогают воссоздать социальную и бытовую картину жизни запорожцев, а также обычаи, существовавшие в их среде.

Неопубликованные источники почерпнуты из фондов *Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА)*, где представлены основные исторические документы по истории казачества. В работе использовались материалы фондов 20, 52. **Фонд 20** – «Фонд секретной экспедиции Военной коллегии», содержит в себе донесения, следственные документы в отношении запорожских казаков, секретную переписку запорожцев, уведомления о состоянии управления казачьих войск. **Фонд 52** – «Канцелярия генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина-Таврического, 1776–1800 годы», располагает документами, подтверждающими права и привилегии запорожцев, следственные документы, а также доношениями, рапортами, письмами, прошениями, ведомостями запорожских казаков. Фонд содержит еще и внутренние сечевые распорядки, универсалы гетманов Украины, высочайшие грамоты, указы Сената.

Также нами использовались материалы фондов *Российского государственного архива древних актов (РГАДА)*. В работе содержатся материалы фондов 9, 13, 15, 89, 248. **Фонд 9** – «Кабинет Петра I и его продолжение», располагает входящими письмами Сената, коллегий, государственных и военных деятелей, послов, губернаторов, воевод за 1698–1720 гг. **Фонд 13** – «Дела об Украине 1606–1790 гг.», содержит жалованные грамоты (копии) польских королей и царя Алексея Михайловича украинским городам на их права и вольности; статьи (копии) об избрании гетманов; дела и документы о землевладении казачьей старшины; донесения гетмана К. Г. Разумовского Елизавете Петровне; донесения и доклады генерал-губернатора Украины П. А. Румянцева-Задунайского Екатерине II. **Фонд 15** – «Дипломатический отдел 1235–1873 гг.», представляет документы Посольского приказа, Коллегии иностранных дел и министерства иностранных дел (1700–1851) о сношениях России с Османской Портой в царствование императрицы Елизаветы 1741–1761 годов. **Фонд 89** – «Сношения России с Турцией», содержит книги, дела 1512–1719 гг. (Статейные списки, грамоты, отписки и дела о политических, торговых сношениях России с Турцией и Крымским ханством; об отношениях Турции с донскими и запорожскими казаками). **Фонд 248** – «Сенат и его учреждения (Объединенный фонд)» представляет дела Секретной экспедиции Сената 1722–1802 гг., в т. ч. связанные с запорожским казачеством.

Материалы и выводы, содержащиеся в работе, могут быть использованы при написании новых научных трудов и учебных работ, а также в учебном процессе для разработки курса лекции по истории казачества, спецкурсов и семинаров, посвященных истории Запорожской Сечи для общеобразовательных и высших учебных заведений. Представленные в настоящем научном труде материалы представляют научный интерес для преподавателей, научных сотрудников и аспирантов высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений. Кроме того, некоторые выводы исследования могут быть использованы в работе по возрождению казачества, предпринимаемой государственными органами.

¹⁸ *Короленко П. П.* Материалы по истории войска Запорожского, извлеченные из дел Харьковского исторического архива. – Харьков, 1896; *Эварницкий Д. И.* Источники для истории Запорожских казаков. – Владимир, 1903; *Андриевский А.* Материалы по истории Запорожья и пограничных отношений (1743–1767). – Одесса, 1893.

Глава 1

История возникновения запорожского казачества и система самоуправления Запорожской Сечи

1.1. Вопрос о происхождении казачества и преемственности системы самоуправления Запорожской Сечи

Изучив историографию вопроса о происхождении казачества, можно уверенно заявить, что этот вопрос является одной из сложнейших исторических проблем. Точное происхождение привычных нашему пониманию первых казачьих общин современной исторической науке неизвестно. Связано это с тем, что о первых страницах казачьей истории не сохранилось достоверных письменных источников. Существующие же отрывочные свидетельства, которыми располагает наука, не дают возможности однозначно ответить на поставленный вопрос.

Такое положение дел давало и дает возможность ученым, занимавшимся изучением казачества, выдвигать различные теории и гипотезы о возникновении казачества, зачастую, совершенно противоречащие или взаимоисключающие друг друга. К настоящему времени список теорий и гипотез происхождения стал довольно внушительным. В свою очередь это свидетельствует о большом интересе к рассматриваемой проблеме и ее изученности в рамках имеющихся сведений и фактов. Но также это дает и негативные последствия, связанные с большим количеством спекуляций в этой области изучения истории казачества, что делает изучаемую проблему сильно запутанной и еще более сложной. Многим теориям о возникновении казачества не хватает доказательств, что делает их скорее гипотезами.

Достоверно же известно, что в XIV в. появилось несколько крупных общин, которые располагались в центральной Евразии, возле крупных рек, служивших торговыми путями своего времени: Днепра, Дона, Волги, Яика. К этим сообществам переселялись в заметном количестве люди из расположенных по соседству северных и северо-западных земель. В первую очередь, из Московского, Литовского и Рязанского Великих княжеств. Таким образом, к XVI в. сформировались самые крупные Запорожское и Донское казачьи войска, которые со временем вобрало в себя растущее Российское государство. Впоследствии на основе этих войск создавались другие казачьи войска по инициативе самой России.

Несмотря на это, вопрос о происхождении казачества имеет важное значение для настоящего исследования, так как рассмотрение этого вопроса позволит нам установить возможное существование преемственности казачьей системы самоуправления, а, в первую очередь, преемственности системы самоуправления Запорожской Сечи от этноса или этносов, которые могли быть прародителями казачества или установить отсутствие такой преемственности, что также немаловажно. А полученные результаты позволят или, наоборот, не позволят сделать выводы о гибкости запорожской системы самоуправления, о ее живучести, способности к адаптации в новых условиях существования и т. п. Кроме того, это, возможно, даст повод по новому взглянуть на систему самоуправления Запорожской Сечи и казачества в целом, изменить сложившееся отношение к этому вопросу, объяснить некоторые стороны взаимоотношений Запорожской Сечи с правительством России и других стран.

Анализ работ посвященных историографии вопроса о происхождении казачества позволяет нам выявить основные группы теорий о происхождении казачества. По мнению А.

В. Сопова¹⁹, господствующими в настоящее время в общественном представлении и в научной литературе можно считать две противоположные теории происхождения казачества: «казенную» и теорию представителей «казачьей науки» и «вольноказачьего движения»²⁰. Им выделяется и довольно большое количество «промежуточных» теорий. По мнению же В. Е. Шамбарова²¹, в начале XX в. сформировались основные теории происхождения казачества – «автохтонная» и «миграционная», хотя обе эти теории обоснованно им критикуются.

«Казенная» теория обязана своим названием меткому выражению И. Яковенко²², хотя имеет и другие варианты названия: «уходническая», «беглохолопская» и т. п. Эта теория связывает возникновение казачества с беглецами из русских земель в Дикое поле. Усиление феодальной эксплуатации в России и Речи Посполитой, по мнению авторов «казенной» теории, породило особую организацию – казачество, выросшую из беглецов, главным образом крестьян и холопов, которыми эта организация постоянно подпитывалась. Таким образом, «казенная» теория рассматривает казачество как бесспорно русскую или украинскую по своему происхождению группу населения. Стремившиеся к вольной жизни, люди в новых для них условиях опасной пограничной жизни, связанной с постоянной опасностью набегов кочевников, смогли выработать особые черты своих сообществ: общинный быт, военная организация, система самоуправления и др. Следует также заметить, что данная точка зрения является наиболее распространенной в среде не связанного с казачеством населения, ввиду господства «казенной» теории в советской историографии.

Несмотря на неоспоримые факты бегства феодально зависимых людей в Дикое поле, многими историками не учитывается тот факт, что Дикое поле не было необитаемым. На первоначальных казачьих землях проживали многие племена и народы. Более того, эти земли были активной зоной движений, столкновений и переселения различных племен и народов. Это киммерийцы, скифы, сарматские племена (асседоны, аорсы, савроматы, сираки, иксаматы, писаматы), языги, роксоланы, керкеты, синды, ахеи, гениохи, чиги, агры, аспургиане, дандарии, аланы и др.²³. И этот список является далеко не полным и исчерпывающим, так как указывает на народы в казачьих землях до II в. н. э. Впоследствии будущие казачьи земли действительно стали Диким полем. Связано это с тем, что многие обитавшие в этих областях народы и племена вели полукочевой образ жизни, а постоянные столкновения между различными народами приводили к упадку существовавшей в этих местах материальной культуры, многие племена прекращали свое существование или переселялись на другие земли. Наиболее серьезным фактором формирования Дикого поля послужило появление Золотой Орды.

Другая теория, которая не оставляет указанный факт незамеченным разрабатывалась и поддерживалась, главным образом, представителями так называемой «казачьей науки» и «вольноказачьего движения» и некоторыми другими историками. «Вольно-казачье движение» – это группа кубанских и донских казачьих общественно-научных, военных деятелей постреволюционного периода второй половины 1920–х гг. XX в. (Т. Стариков, М. Фролов, И. Билый, И. Быкадоров и др.), стремившихся к созданию самостоятельного государства Казакии. К ним примыкает группа непрофессиональных историков, таких как Г. Губарев, А. Скрылов и др., отстаивавших право на политическую независимость казачьих террито-

¹⁹ Сопов А. В. Место и роль казачества в общероссийских культурно-этнических процессах // Теория и практика современного научного знания. Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции. Ч. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. С. 229–233.

²⁰ Казачий словарь-справочник / Сост. Г. В. Губарев. Ред. изд. А. И. Скрылов. – Сан-Ансельмо, Калифорния, США, 1966–1970. – Т. 1–3; Савельев Е. П. Казаки. История. – Владикавказ, 1991 и др.

²¹ Шамбаров В. Е. Казачество: История вольной Руси. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2007. С. 8–9.

²² Яковенко И. Подвижен, отчаян и храбр // Родина. – М., 1995. № 10.

²³ Шамбаров В. Е. Указ. соч. С. 11–14.

рий на основе утверждения положения о существовании национальных корней казаков. Они рассматривают казаков как особый этнос, который образовался в начале нашей эры в результате смешения аланских, туранских, меотославянских, скифских и других племен. При этом славянская речь стала для них связующим звеном²⁴.

Достоинством такого взгляда на казачью историю является то, что он дает возможность объяснить обособленность казаков от остального русского населения и их культурное своеобразие. Но его существенным недостатком является то, что он не имеет под собой убедительной доказательной базы, а многие утверждения носят спекулятивный характер. Что, разумеется, неудивительно, учитывая цели, для которых разрабатывалась подобная теория.

Здесь важно отметить то, что сама по себе рассматриваемая теория, которая может быть названа «национальной» или «этнической», способна объединить внутри себя многие частные взгляды разных историков, рассуждавших о происхождении казачества в общем направлении, в общем ключе. Таким образом, уже упомянутые «автохтонная» и «миграционная» теории могут быть отнесены в рамки более крупной «этнической» теории.

Непосредственным сторонником «автохтонной» теории выступал И. Ф. Быкадоров²⁵. Он заявлял, что казаки всегда были коренным населением своих территорий. О недоказанности этой теории и научной спекуляции свидетельствует то, что сам И. Ф. Быкадоров потом отказался от нее²⁶. Ни один народ не смог бы остаться неизменным за тысячи лет даже находясь на одной и той же территории. Такое возможно для небольших этносов, живущих в изоляции от других народов в горах, на отдельных островах и т. п. Однако подобное невозможно для казачьих территорий, где, как уже отмечалось, шли бурные контакты между народами.

Разработчиком «миграционной» теории был донской историк Е. П. Савельев. По его мнению, казачество образовалось благодаря миграции «гетов-русов», живших в исконных казачьих землях, затем живших в районе Трои, затем в Италии, а потом мигрировавших в причерноморские степи. Их потомками и явились казаки²⁷. Справедливости ради нужно заметить, что Е. П. Савельев, рассматривая древнюю историю казаков, замечал некоторые важные моменты, которые связаны с формированием известного нам казачества. Так, им отмечена связь казаков и населения вечевой республики вятских (хлыновских) ушкуйников, которая существовала в XII–XV вв. Основную массу ушкуйников составляли выходцы из Новгородских земель. У них были свои выборные воеводы, атаманы и священники. К концу XV в. Вятская вечевая республика была покорена Московским княжеством. Часть ушкуйников была переселена в южные пограничные русские земли, а те ушкуйники, которым удалось бежать, отправились в низовья Волги и Дона. Возможно, они бежали и на Днепр. При этом Савельев приводит много свидетельств сходства в лексике, церковной архитектуре и обычаях донских казаков и новгородцев²⁸. Сходство можно проследить и в символике донских и днепровских казаков с Вятским гербом, который представляет собой натянутый лук-арбалет и равносторонний крест. Возможно, именно ушкуйники выступили организующей силой в среде казачьего населения, сформировав схожую с вечевой республикой систему самоуправления. Также Савельев указывает на волну переселенцев в казачьи земли из Великого княжества Рязанского после присоединения его к Москве в 1520 г.²⁹

Еще один важный вывод Савельев делает, опираясь на факт подчинения южных степных территорий Золотой Орде. По его мнению, с принятием татарами ислама население

²⁴ Казачий словарь-справочник / Сост. Г. В. Губарев. Ред. изд. А. И. Скрылов. – Сан-Ансельмо, Калифорния, США, 1968. – Т. 2. С. 25.

²⁵ *Быкадоров И. Ф.* История казачества. – Прага: Библиотека вольного казачества – вильного казачства, 1930. – Кн. 1.

²⁶ *Шумов В. В.* История казачества в вопросах и ответах. – Ростов н/Д: Ростиздат, 2003.

²⁷ *Савельев Е. П.* Древняя история казачества. – М.: Вече, 2010.

²⁸ *Савельев Е. П.* Древняя история казачества. – М.: Вече, 2010. С. 262–289.

²⁹ Там же. С. 265.

Приазовья и Дона, оставшееся на своих старых местах, терпело большие притеснения от врагов своей веры. Часть этого населения смешалась с татарами, положив основу для нового военного сословия, которое известно, как ордынские казаки, киргиз-кайсаки или кайсаки. Остальные казаки, населявшие эти земли, ушли от притеснений на Днепр и в русские окраинные города. Эти казаки стали вести непримиримую борьбу с мусульманами. На Днепре в то же время уже жили черкасы-касаки, которые являлись потомками черных клобуков. Черкасы служили в княжеских войсках и сражались с половцами. При нашествии татар черкасы укрылись на Днепровских островах³⁰. Савельев отмечает: «Таким образом, с принятием татарами магометанства казачьи общины из Приазовья и придонских степей разбросались по всем украинам великой Русской земли, до Новгорода и Соловецких островов. Но главные силы их сосредоточились по пограничным с татарами местностям, в княжествах Рязанском, по верховьям Дона, Северском, по верховьям Донца, и по Днепру. Отсюда они стали вести наступательную войну с магометанами, отстаивая каждый шаг дорогой им Родины»³¹. В XV–XVI вв. на Дону постепенно начинают сосредотачиваться днепровские казаки и казаки из украинских русских городов, которые вытесняют из степей татар и вместе с московскими ратями захватывают Казанское и Астраханское ханства. В Азове до захвата его турками в 1471 г. и после жили азовские казаки. Они составляли обособленную часть азовцев. Их выборный начальник назывался «шубаш», а исполнители его распоряжений назывались «урядниками». Азовские казаки были христианами. В начале XVI в. азовские казаки были окончательно вытеснены турками и ушли на Днепр³².

Слабость теории происхождения казаков от какого-либо этноса, который оказался на казачьих землях путем дальних миграций или вернулся на свои земли после долгих странствий в том, что в ней не учитывается сложность процесса переселения. Переселение обычно связано с расколом этноса, часть которого остается, а часть уходит. Затем эти части теряют родство и живут независимо друг от друга, взаимодействуя с другими народами. Учитывая это, производить один народ от другого можно только очень условно. Кроме того, «миграционная» теория опирается только на малочисленные косвенные факты.

Помимо названных основных теорий происхождения казачества существует большое число «промежуточных» теорий, взглядов, гипотез, которые могут примыкать к основным, дополнять их, изменять их, соединять некоторые их элементы. В рамках проводимого исследования целесообразно привести основные, заслуживающие внимания подобные теории. Но при этом, с нашей точки зрения, можно согласиться с мнением О. В. Матвеева, резонно заметившего, что в вопросе о происхождении казачества наиболее правильно рассматривать «специфику каждого отдельно взятого казачьего образования»³³. Поэтому, в целях проводимого нами исследования, мы будем ориентироваться, прежде всего, на специфику происхождения днепровских казаков, явившихся первым исходным «материалом» для создания Запорожской Сечи в XVI в.

Уже в XVI–XVII в. появились первые попытки решения проблемы происхождения запорожских казаков, осуществлённые польскими шляхетскими историками: М. Бельским, А. Гвагниним, П. Пясецким, В. Коховским, С. Твардовским и др. Анализом их научных трудов занимался В. А. Голобуцкий³⁴. Он пришел к следующим выводам. Научные труды этих историков исполнены ненависти к казакам и во многом сходны. П. Пясецкий и В. Коховский

³⁰ Там же. С. 191–197.

³¹ Там же. С. 198.

³² Там же. С. 207–210.

³³ Матвеев О. В. Кубанское казачество в сословной структуре Российской империи и тенденции его развития в 60–80 гг. XIX в. // Проблемы истории казачества: Сб. научных трудов. – Волгоград, 1995.

³⁴ Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. – К., 1957. С. 3.

производят слово «козак» от слова «коза», объясняя это тем, что казаки (козаки) на своих лошадях были быстрыми как козы, а также занимались ловлей диких коз. Такой чисто внешний филологический путь, опирающийся на созвучие в названиях, имеет малый авторитет в исторической науке. М. Бельский (1494–1575 гг.) был современником создания Запорожской Сечи. Он видел в казаках выходцев из крестьян «хлопов», бежавших от крепостнических порядков и выделившихся из народа, благодаря личным качествам и условиям жизни.

Взглядов на казачество, как на определенный класс рыцарей, подобных взглядам М. Бельского, придерживался и французский инженер Боплан³⁵, который около 20 лет находился на Украине.

Но в XVIII в. историки продолжали использовать чисто филологический подход, переключившись на созвучие слова «казак» с названиями различных народов. Так, Г. Грабянка, один из первых украинских дворянских авторов, выводил казаков от хазар (козар, скифов), которые выделились в военное сословие в среде украинского населения³⁶. П. И. Симоновский считал казаков потомками славянского народа «косоогов»³⁷. По его мнению косоги пришли с Кавказа, из местности, называемой римлянами Гиркания. Это название происходит от латинского слова «*hirkus*» – козел. Он безосновательно указывал, что казаки (косоги) известны с 1021 г. В связи с именем князя Мстислава Владимировича. После захвата Киева Литвой в 1320 г. косоги ушли в низовья Днепра вместе с частью украинской шляхты, где сформировались в воинское сословие. В. Н. Татищев же производил будущих казаков – косоогов от жителей египетского города Черказ, которые переселились на Кавказ. По названию этого города казаков называли черкасами³⁸.

А. П. Певнев³⁹ же наоборот определял казаков как потомков рязанских и мещерских пограничных стражников, которые были щитом для русских поселений от татарских набегов и связаны своей организацией с княжескими дружинниками.

Еще одно мнение, связанное с монголо-татарами, принадлежит Р. Г. Скрынникову, который указывал на истоки казачества от слияния жителей татарских степных станиц с русскими переселенцами. При этом переселенцы составляли меньшинство⁴⁰.

О роли ордынских казаков (киргиз-кайсаков) в образовании казачества писал востоковед О. И. Сенковский. Он считал, что ордынские казаки соплеменники киргизов. Они образовали новое ханство после распада Золотой Орды. Остатки ордынских казаков на Дону, которые не присоединились к киргизам, могли быть первым ядром, к которому присоединялись русские беглецы. Сами же ордынские казаки растворились или исчезли от безженства, а присоединившиеся к ним русские стали именовать себя казаками⁴¹.

Л. Н. Гумилев, в качестве общего вывода, возводил казаков, включая днепровских, к крестившимся половцам: «Наши предки дружили с половецкими ханами, женились на «красных девках половецких», принимали крещеных половцев в свою среду, а потомки последних стали запорожскими и слободскими казаками...»⁴². Хотя он и замечал в происхождении некоторых казачьих войск и другие источники образования⁴³. Схожие мысли на этот счет принадлежат И. Яковенко, который уже упоминался нами. По его мнению, казаче-

³⁵ Боплан. Описание Украины. – СПб., 1832.

³⁶ Летопись Григория Грабянки. – К., 1854. С. 15.

³⁷ Симоновский П. И. Краткое описание о казацком малороссийском народе и военных его делах. – М., 1847. С. 2.

³⁸ Татищев В. Н. История российская. – М.-Л., 1964. – Т. 1. С. 324–325.

³⁹ Певнев А. П. Кубанские казаки: пособие по истории. – Краснодар: Сполох, 1995.

⁴⁰ Скрынников Р. Г. Ермак. – М.: Просвещение, 1992. С. 7.

⁴¹ Сенковский О. И. Собр. соч. О. И. Сенковского (барона Брамбеуса). – СПб., 1859. – Т. VI.

⁴² Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. – М., 1992. С. 324.

⁴³ См. например: Гумилев Л. Н. Этносфера: История людей и История природы. – М.: Экспрос, 1993. – С. 366–544.

ство образовалось при смешении половцев и русского населения, при доминировании половецкой части. В своих исследованиях он ссылается на антропологические и этнографические данные, которые подчеркивают черты степняков в казаках⁴⁴.

Знаменитый исследователь истории кубанского казачьего войска Ф. А. Щербина⁴⁵ рассматривал происхождение казачества как продолжение древнерусских вечевых традиций, которые наилучшим образом подходили для казачества в период своего становления. Он писал, что казачество появилось на смену вечевого уклада народной жизни русского населения. Но при этом отмечал влияние различных причин, в первую очередь экономических, которые позволили обновленному вечевому управлению укрепиться и развиваться в казачьей среде⁴⁶.

Подобные идеи выдвигались и другими исследователями. Одним из них был В. Б. Антонович. Но, после критики со стороны М. А. Максимовича, Антонович отказался от мыслей о вечевой демократии славян и примкнул к мнению самого Максимовича. Это мнение состоит в том, что в разоренных крымскими татарами южных землях в конце XV, принадлежавших тогда Литве, пограничные старосты для защиты границ стали набирать на службу лиц не шляхетского происхождения с обязанностью нести военную службу за выданную им землю⁴⁷. Очевидно, что эта теория больше связана с возникновением реестровых казаков. В историографии вопроса о происхождении казачества часто происходит смешение запорожских и реестровых казаков, что также порождает большую путаницу. О такой ситуации в историографии вопроса о происхождении казачества есть замечания даже среди американских исследователей истории Запорожской Сечи⁴⁸.

Другой исследователь истории кубанского казачьего войска И. Я. Куценко определяет казачество как своеобразную и самобытную народную демократию, то есть возникшую самостоятельно без преемственности, а затем превратившуюся в служилое сословие⁴⁹.

Развивая начальные идеи В. Б. Антоновича, И. М. Каманин⁵⁰ утверждал, что украинское казачество имеет отличительную черту в том, что оно представляет собой исконное южнорусское земледельческое население, которое сначала находилось под властью татар, а потом под властью Литвы, но, при этом, стремилось к обособлению. Польско-турецкое давление и отсутствие сильной центральной власти привели к тому, что казачество развивалось в многострадальной борьбе⁵¹. Мнению И. М. Каманина противоречит уже упомянутый нами М. К. Любавский, который считал, что процесс возникновения казачества как малороссийского, так и великорусского идентичен и связан с движением на юг промышленников, ищущих заработка в степях⁵². С течением времени их стали называть бродниками, а потом и казаками. Таким образом, Любавский считал, что казацкое землевладение и казацкая автономия не были исконным фактом, а развивались с течением времени.

Среди исследователей вопроса о происхождении казачества есть мнение и об этнической самостоятельности казаков. Так, В. П. Трутом такой тезис признается оправданным⁵³, а

⁴⁴ Яковенко И. Подвижен, отчаян и храбр // Родина. – М., 1995. № 10. С. 70.

⁴⁵ Щербина Ф. А. История Кубанского Казачьего Войска. В 2 т. – Екатеринбург, 1910–1913.

⁴⁶ Щербина Ф. А. Указ. соч. Т. 1. С. 420–421.

⁴⁷ Антонович В. Б. Киев, его судьба и значение в XIV–XVI веках (1362–1569) // Киевская Старина. – К., 1882. – Кн. 1. С. 1—48; Максимович М. А. ... Собрание сочинений: В 3-х т. – К., 1876. – Т. 1

⁴⁸ G. Patrick March. Cossack of the Brotherhood. The Zaporog Kosh of the Dniepr River. – N. Y., 1990. p. 3.

⁴⁹ Куценко И. Я. Кубанское казачество. – Краснодар, 1993. С. 24.

⁵⁰ Каманин И. М. К вопросу о казачестве до Богдана Хмельницкого. – К., 1894.

⁵¹ Там же. С. 29.

⁵² Любавский М. К. Начальная история малорусского казачества // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. № 7.

⁵³ Трут В. П. К вопросу об этносоциальном облике казачества в начале века и проблемах его возрождения на совре-

П. Н. Лукичев и А. П. Скорик находят его очевидным⁵⁴. Однако следует заметить, что исследования названных авторов в меньшей степени затрагивают запорожских казаков.

Некоторые авторы, например Л. М. Галутво⁵⁵, рассматривают казачество во всей своей полноте, как единое население с самостоятельным хозяйственно-бытовым укладом, традициями и культурой.

После рассмотрения приведенных нами мнений о происхождении казачества различных исследователей, очевидным становится тот факт, что в формировании казачества могли участвовать разнообразные народы. Этот вывод самым красноречивым образом указывает на наибольшую вероятность полиэтничного происхождения казачества. Поэтому мы согласны с Б. Е. Фроловым, который, опираясь на большое количество фактов, подчеркивает *полиэтничность* происхождения казачества⁵⁶. Также мы согласны и с мнением Р. Г. Тикиджьяна, хотя он и рассматривал в большей степени историю донского казачества, о том, что, несмотря на полиэтничность формирования казачества, оно формировалось как субэтнос, то есть как часть русского народа, но со своей особой культурой и укладом жизни⁵⁷. Четкое решение вопроса о составе этносов, влившихся в казачество, не представляется возможным. Но для нашего исследования более важна возможность выявления преемственности в системе самоуправления. Поэтому для начала мы определим народы, которые обитали на территории Запорожья в обозримой истории. Подобные изыскания уже проводились историками. Так, например, Д. И. Эварницкий приводит следующий список этих народов в хронологическом порядке⁵⁸: киммерийцы (XII в. до н. э.); ионяне греки (VIII в. до н. э.); скифы, каллипиды (VII в. до н. э.); геты, даки (I в. до н. э.); сарматские племена: роксоланы, аланы, северы (II в. н. э.); готы (конец II в. н. э.); гунны (IV в. н. э.); славянские племена венетов, антов (середина V в. н. э.); угры и болгары (конец V в. н. э.); авары, обры (VI в. н. э.); русские славяне, главным образом поляне (IX в. н. э.); казары или хазары (конец IX в. н. э.); печенеги и между ними торки, которых еще называли узамы, берендеями, черными клобуками, кара-калпаками (X в.); половцы, известные еще как куманы или саркаты (XI в. н. э.); татары (XIII в. н. э.).

Из приведенного списка народов мы оставим только те, которые рассматривались исследователями истории казачества как возможные прародители казаков. Это славянские племена (включая беглецов и промышленников из славянских государств, а также хлыновских ушкуйников, пограничных русских воинов и княжеские дружины), хазары (скифы), косоги, черкасы (черкесы), черные клобуки, бродники, половцы, татары (включая русские отряды на татарской службе, передовые отряды бессемейных удальцов и киргиз-кайсаков). И, используя полученный список народов, выявим те народы, которые обладали системой управления схожей с системой самоуправления Запорожской Сечи.

Славянские племена, как уже отмечалось, обладали вечевой военной демократией, аналогом которой являлась хлыновская ушкуйническая республика. Основными чертами вече-

менном этапе // Проблемы истории казачества: Сб. научных трудов. – Волгоград, 1995.

⁵⁴ Лукичев П. Н., Скорик А. П. Казачество: историко-психологический портрет // Возрождение казачества: история и современность. Сб. научных статей к V Всероссийской (Международной) научной конференции. – Новочеркасск, 1995.

⁵⁵ Галутво Л. М. Ф. А. Щербина о судьбах казачества // Проблемы истории казачества: Сб. научных трудов. – Волгоград, 1995.

⁵⁶ Фролов Б. Е. У источников Черноморского войска (численность, национальный и социальный состав) // Проблемы истории казачества: Сб. научных трудов. – Волгоград, 1995.

⁵⁷ Тикиджьян Р. Г. Казачество и неказачье население Дона: становление, этносоциальный состав и проблемы взаимоотношений // Возрождение казачества: история и современность. Сб. научных статей к V Всероссийской (Международной) научной конференции. – Новочеркасск, 1995.

⁵⁸ Эварницкий Д. И. Число и порядок Запорожских Сечей с топографическими очерками Запорожья // Киевская Старина. – К., 1884. – Кн. 2. С. 1.

вой военной демократии являлись: вооруженность всего мужского населения; участие всех мужчин в общем собрании – вече; вече являлось высшим органом власти⁵⁹.

Княжеские дружины и русские пограничные войска обладали только военной организацией. Но следует учитывать, что военная организация могла послужить основой для формирования системы самоуправления. Беглецы и промышленники из славянских государств могли самостоятельно организовать систему самоуправления или примкнуть к уже существующей организации, оказывая на нее влияние.

О казарах (скифах), косогах, бродниках, черных клобуках и их вероятных потомках черкасах, нам известно немного, особенно об их системах управления. Все они, включая казар (скифов), то есть тюркоязычных хазар, имели заметные контакты со славянскими княжествами, особенно черные клобуки, черкасы.

Особое место для нашего исследования занимает политический и социальный строй *половцев*. У них была типичная военно-демократическая политическая система. Но особенного внимания заслуживает факт многих лингвистических совпадений в терминах, связанных с социально-политической структурной организацией. Так половцы разделялись на несколько родов (колен). Эти роды объединялись в крупные племенные союзы. Центрами племенных союзов были города-зимовья примитивного типа. Каждый род (орда) состоял из меньших групп – куреней. Каждый курень обладал своими собственными земельными владениями, зимниками, летниками и кочевыми маршрутами. Сами курени состояли из нескольких крупных родственных семей – кошей. Главы кошей назывались кошевыми. На съезде кошевых представителю наиболее сильного и влиятельного коша и куреня вручалась власть над остальными семьями. Главами орд были ханы. На съезде знати избирался глава союза половецких орд – кахан (каган)⁶⁰. Здесь следует отметить и распространенность слова казак в тюркских языках. В современных тюркских языках кипчакской группы слово казак имеет ряд значений: в ногайском языке – «воин»⁶¹, «человек, ушедший из своей родины на заработки»⁶²; в крымскотатарском языке – «свободный человек», «умелый всадник», «неженатый мужчина», «искатель приключений»⁶³; в кумыкском языке – «оруженосец при феодале», «дружинник»⁶⁴. Российский тюрколог Л. Будагов приводил для слова казак в различных тюркских языках такие значения, как «вольный человек», «бродяга», «разбойник», «проворный человек», «независимый человек», «искатель приключений», «ловкий наездник»⁶⁵.

Татары не обладали демократической системой управления государством. Наоборот, Золотой Орде были свойственны черты восточных деспотий. Войска татар были подчинены строгой дисциплине и не имели демократических начал. В войско могли также набираться как вспомогательные отряды легко вооруженной конницы представители покоренных кочевых народов. Они использовались обычно для охраны границ и сохраняли структуру, характерную для кочевых народов, подвластных Золотой Орде, имевших демократические начала управления. Крымское ханство, образовавшееся после распада Золотой Орды, наиболее тесным образом контактировало с днепровскими казаками, а его население состояло большей частью из кипчаков (половцев). Хотя система государственного управления Крымского хан-

⁵⁹ Щербина Ф. А. История Кубанского Казачьего Войска. – Екатеринодар, 1910. – Т. 1. С. 420–421.

⁶⁰ Шаропова З. М. Социально-экономический и политический строй у половцев // Ученые записки МОПИ. Т. XXVIII, 1953. – Вып. 2. С. 109–138.

⁶¹ Бутков П. О имени казак // Вестник Европы. – СПб., 1822. № 21. С. 193.

⁶² Милых К. Ногайские тексты // Языки Северного Кавказа и Дагестана. Ч. 2. – М. —Л., 1949. С. 249.

⁶³ Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. – СПб., 1871. – Т. II. С. 54.

⁶⁴ Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. – М., 1962. С. 535.

⁶⁵ Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. – СПб., 1871. – Т. II. С. 54.

ства имела много схожих черт с Османской империей, пастушьи кочевья крымцев сохранили систему управления половцев⁶⁶.

Таким образом, наиболее заметным фактом для нашего исследования является половецкая (кипчакская) система управления, которая, по нашему мнению, является наиболее вероятной прародительницей системы самоуправления Запорожской Сечи. Конечно, запорожская система самоуправления вобрала в себя и элементы, не свойственные кипчакам. Скорее всего, произошло смешение элементов славянской и половецкой систем военной демократии. Следует также подчеркнуть, что даже если приведенные системы управления напрямую не создавали преемственность образования системы самоуправления Запорожской Сечи, то все равно они оказывали существенное влияние на нее посредством вбирания в Сечь представителей названных народов. На формирование и развитие Запорожской Сечи также повлияли разнообразные факторы, которые целесообразно рассмотреть.

⁶⁶ *Хартахай Ф.* Историческая судьба крымских татар (статья первая) // Вестник Европы. – СПб., 1866. – Т. II. С. 182–236.

1.2. Условия, в которых образовалась и существовала Запорожская Сечь

Более чем четыреста лет назад южные земли России и Украины представляли границу между русским народом и кочевьями татар. Область эта оставалась малонаселенной. Обилие природных ресурсов в сочетании с почти нетронутой природой манило сюда и русских, и татар. Хорошие условия для развития хозяйства давали возможность заселить эти земли достаточно быстро. Межграницье трех стран: Руси, Речи Посполитой и Турции и близлежащие моря притягивали интересы разных стран. Поэтому за эти земли постоянно шла открытая и тайная борьба. На этих землях и была образована знаменитая Запорожская Сечь.

Как нам уже известно, создание Запорожской Сечи предвораля достаточно сложный и запутанный процесс. И связан он с именем днепровских казаков, происхождение которых туманно, как и происхождение казачества в целом. Самые ранние упоминания о казаках на Киевщине относятся к 1492 г. Но наибольшего внимания заслуживает текст грамоты литовского князя Александра от 1499 г. о взимании пошлин киевским воеводой: «Которые козаки зверху Днепра и с наших сторон ходят водою на низ до Черкас и далее и што там здобудут, с того со всего воеводе киевскому десятое мают давати»⁶⁷. Хотя первые достоверные упоминания о днепровских казаках известны с конца XV века, очевидно, что возникновение казаков происходило еще раньше. Они вели кочевой образ жизни, сочетая его с такими занятиями как рыболовство, охота, пчеловодство. Оседая в городках и местечках, казаки занимались ремеслами, сельским хозяйством и торговлей⁶⁸.

Вопросы о времени появления непосредственно Запорожской Сечи и оценке обстоятельств, связанных с этим событием, имеют разные ответы исследователей. Так, Д. И. Эварницкий⁶⁹ определял основателем Запорожской Сечи Д. И. Вишневецкого. Связано это с тем, что Д. И. Вишневецкий был организатором строительства в 1556 году на острове Хортица небольшой крепости для защиты от татарских нападений. М. С. Грушевский, придерживаясь такого же мнения, даже называл Д. И. Вишневецкого «духовным отцом новой украинской плебейской республики (т. е. Сечи. – А. К.)»⁷⁰. В подобном ключе рассуждал и Н. И. Костомаров, рассматривая Д. И. Вишневецкого как одного из ранних предводителей казацких, указавшего казакам путь на юг⁷¹. Первым кто усомнился в роли Д. И. Вишневецкого как основателя Запорожской Сечи был И. М. Каманин⁷². А уже советский исследователь В. А. Голобуцкий⁷³ сделал вывод о том, что Хортицкая крепость в меньшей степени использовалась для обороны от татар, а в действительности была опорой шляхты и использовалась в борьбе против самих же днепровских казаков. Его мнение сводится к тому, что Сечь была основана на острове Томаковка на 60 км южнее Хортицкой крепости гораздо раньше даты, приводимой Д. И. Эварницким, как минимум в 1540 году⁷⁴.

⁶⁷ Акты, относящиеся к истории Западной России (1340–1506 гг.). – СПб., 1846. – Т. 1. С. 170.

⁶⁸ Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. – К., 1957. С. 46.

⁶⁹ Эварницкий Д. И. Число и порядок Запорожских Сечей с топографическими очерками Запорожья // Киевская Старина. – К., 1884. – Кн. 1. С. 1–20.

⁷⁰ Грушевський М. С. Байда-Вишневецький в поезії й історії // Записки українського наукового товариства в Києві. – К., кн. 3. 1909. С. 139.

⁷¹ Костомаров Н. И. Собрание сочинений – СПб., 1906. – Кн. 8. С. 730.

⁷² Каманин И. М. К вопросу о козачестве до Богдана Хмельницкого. – К., 1894. С. 73.

⁷³ Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. – К., 1957. С. 71–87.

⁷⁴ Там же. С. 67.

Мнение В. А. Голобуцкого представляется нам наиболее обоснованным. Основанием для этого являются исторические свидетельства об авантюрной деятельности Д. И. Вишневецкого. Будучи с 1551 года старостой каневским и черкасским (польско-литовских крепостей на границе с Диким полем)⁷⁵, он стремился стать «князьком» на землях за порогами Днепра, где обосновались казаки⁷⁶. Таким образом, Запорожская Сечь сформировалась не по воле польско-литовских магнатов, а в непосредственной борьбе против них. Об этом свидетельствуют и грамоты старосты М. Вишневецкого и великого князя литовского Сигизмунда Августа 1540⁷⁷ и 1568⁷⁸ годов, обращенные к днепровским казакам. Эти грамоты призывали казаков вернуться в Черкасы и Канев под угрозой наказания. Это, в свою очередь, свидетельствует об уходе населения южной Украины уже в первой половине XVI в.

Стремление польско-литовских магнатов завладеть землями за порогами Днепра было трудной задачей, особенно без поддержки государства. И неудивительно то, что Хортицкий замок Д. И. Вишневецкого был разрушен крымским войском в 1557 году⁷⁹. Запорожская Сечь, при этом, не прекратила своего существования, а наоборот стала набирать еще большую силу.

Историк Н. И. Костомаров по этому поводу писал, что возникновение Сечи произошло постепенно, и формировалась она из рыболовов и охотников. Об этом свидетельствуют акты конца XV и начала XVI веков, в соответствии с которыми охотие люди отправлялись весной за пороги Днепра. Н. И. Костомаров приходит к выводу, что условия местности в которую отправлялись эти люди, невольно делали их воинами. Казаки, занимаясь промыслами, находились в постоянной опасности от внезапного нападения татар. Это и привело к выработке у них воинских навыков. Кроме того, казакам приходилось переплывать днепровские пороги, а это было очень трудным и опасным делом. Стало быть, казакам пришлось стать и отважными моряками. Приобретенные воинские навыки позволили приходиться за пороги не только ради добычи рыбы и зверя, но и для военных трофеев. Казаки совершали набеги на татарские земли, захватывали скот и вооружение. Еще одним стимулом для вольных удалцов был торговый путь из Турции чрез Очаков в Московские земли. Богатства торговых караванов оседали в казне казаков. Такое положение вещей и событий давало повод другим отважиться на подобные авантюры⁸⁰. Схожее мнение об условиях образования Сечи имеет другой историк – М. А. Максимович. Он видел во внешних набегах и внутреннем угнетении со стороны Литвы и Польши повод к формированию казачества на Днестре. За порогами Днепра были земли с очень древней историей. Здесь погиб князь Святослав Владимирович, который обликом своим был очень похож на казака. Холостая жизнь казаков, по мнению М. А. Максимовича, способствовала формированию товарищества, жажде воли, битв, добычи. Единству способствовали также доминирование православной веры и славянского языка⁸¹.

Следует заметить, что названные историки не отмечают возможности существования за порогами Днепра уже сформированных отрядов днепровских казаков, к которым могли присоединяться беглецы из Канева, Черкасс и других городов Украины и слившись с ними образовать знаменитое запорожское казачество. Тем не менее, все названные исследователи, так или иначе, связывают появление Запорожской Сечи с особыми колонизационными

⁷⁵ *Эварницкий Д. И.* История запорожских казаков. – СПб., 1892. – Т. 1. С. 83.

⁷⁶ *Шамбаров В. Е.* Казачество: История вольной Руси. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2007. С. 51–52.

⁷⁷ Акты Южной и Западной России. – СПб., 1865. – Т. II, док. 19. С. 141–142.

⁷⁸ Акты Южной и Западной России. – СПб., 1865. – Ч. III, Т. I, док. 3. С. 4–5.

⁷⁹ *Голобуцкий В. А.* Указ. соч. С. 79.

⁸⁰ *Костомаров Н. И.* Южная Русь и казачество до восстания Богдана Хмельницкого // Отечественные записки. 1870. № 1. С. 39–40.

⁸¹ *Максимович М. А.* Собрание сочинений. – К., 1876. – Т. 1. С. 837–838.

процессами, проходившими в низовьях Днепра. Они отличались, например, от освоения Сибири, которое происходило в одностороннем порядке силами Российского государства. В низовьях Днепра такой тип колонизации оказался невозможен. Виной тому уникальное геополитическое расположение этих целенаправленно неосвоенных земель. Запорожье располагалось между трех мощных государств Восточной Европы: Россией, Оттоманской империей с ее вассалом – Крымским ханством, Речью Посполитой (в которую объединились Литва и Польша в 1569 году). Формально эта территория считалась не принадлежащей никому. Об этом свидетельствует тот факт, что на попытки литовского правительства закрепиться в этом регионе Россия ответила отправкой посла Н. Сущева в 1560 году в Литву. Посол должен был напомнить великому князю, что по договору России и Литвы «Днепр под Крымом Божей, а не королев»⁸². Таким образом, ни одно из трех названных государств не обладало достаточной силой, чтобы закрепить Запорожье за собой. Поэтому колонизация этого края не могла проводиться силой одного конкретного государства.

Политическому фактору способствовал и географический. Запорожские земли располагались за двенадцатью порогами Днепра: Кодацким, Сурским, Лоханским, Стрельчим, Звонецким, Княгининым, или Княжиным, Ненасытенным, Вольнинским, или Внуком, Будилловским, Таволжанским, Литним и Вольным. Это не позволяло вести свободное судоходство. За порогами Днепр разливался по низменности, образуя сотни островов. Самые знаменитые из них: Тамаковка, Базавлук, Большая Хортица, Малая Хортица. Здесь также в Днепр впадают много степных рек и речушек, образуя плавни – систему протоков и озер. Плавни представляли собой непроходимые заросли камыша и кустарников, поэтому такая местность именовалась Великим Лугом, а запорожцев зачастую именовали лугарями. Окрестные земли были обильно усеяны балками и буераками. Далее следовали подконтрольные крымским татарам земли у устья Днепра⁸³.

Такие географические особенности местности делали ее труднодоступной. А это, в свою очередь, создавало благоприятные условия для развития казачества. Здесь было легко скрыться от погони и организовать оборону. Поэтому изначальными местами селений днепровских казаков являлись лесистые острова Днепра. Скорее всего это и является ключом к объяснению смысла названия «сечь», «січъ», то есть лесная засека, вырубка, деревянная крепость. Место пребывания казаков довольно часто менялось под влиянием политических и международных условий. По хронологическому порядку они следовали друг за другом в такой последовательности: Хортицкая (1552–1558), Томаков ска я (1563–1593), Базавлукская (1593–1630), Никитинская (1638–1652), Чортотмыцкая (1652–1708), Каменская (1710–1711), Алешковская (1711–1734) и Новая или Подпиленская (1734–1775).

Следует особенно отметить то, что запорожские казаки могли пользоваться буферным положением между тремя государствами, играя на их противоречиях и образуя самостоятельный центр силы. Для нашего исследования интересен и тот факт, что в Запорожской Сечи встречались представители всех этих трех государств, что в какой-то степени обеспечивало общую колонизацию. Конечно, в Запорожской Сечи преобладало славянское население, особенно малороссы. А это уже связано со следующим – социально-экономическим фактором образования и дальнейшего развития Запорожской Сечи.

Ко времени образования Запорожской Сечи в Польше и Литве сложились тяжелые условия для крестьян. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в середине XVI в. многие крестьяне становились безземельными. Например, в Саноцком старостве от общего числа крестьянских хозяйств они составляли 11 процентов, в Перемышльском – 28,5, а в

⁸² Сборник Русского исторического общества. – СПб., 1887. – Т. 59. С. 613.

⁸³ Голобуцкий В. А. Указ. соч. С. 53–54.

Галицком – 28,⁸⁴. Однако Русское население Украины, принадлежавшей Речи Посполитой, подвергалось наибольшему гнету. Низшее сословие Украины было свободным до Люблинской унии 1569 года, но со второй половины XVI в. стало терять личную свободу. Как замечал Д. И. Эварницкий: «... паны не имели в те поры понятия о свободных работниках и стали обращать низшее население Украины, а иногда и свободных козаков, в крепостное сословие»⁸⁵. Усиление гнета, например, отражают следующие данные. В 1481 году крестьяне церковных имений обрабатывали 1 день в неделю с лана, в 1530 – два дня, в 1581 – шесть дней, а в 1603 – двадцать четыре дня в неделю, то есть уже четыре человека должны были обрабатывать по шесть дней в неделю с лана⁸⁶.

Польские землевладельцы смотрели на русских представителей низших сословий «не только, как на низшую породу людей, а даже, как на безсловесный скот – «быдло», собачью кровь – "пся кровь"»⁸⁷. Такое положение дел представляло собой *национальный фактор*, обусловивший преобладание малороссов в Запорожской Сечи. Несмотря на это, в Сечь могли приходиться люди разных национальностей, недовольных своей жизнью.

Д. И. Эварницкий указывает еще и на сословные причины противоречий. Так, после Люблинской унии 1569 года казацкое сословие не было признано законами Речи Посполитой⁸⁸. *Сословный фактор*, таким образом, вписывался в общую систему социальных притеснений на Украине.

В дополнение к угнетению со стороны польских и литовских феодалов существовал фактор угрозы набегов со стороны крымских татар. Агрессия со стороны турок и татар, которая продолжалась вплоть до завоевания Крымского ханства Российской империей, задерживала экономическое и культурное развитие Украины. Наибольшим нападениям подвергались Волынь, юго-восток Киевщины и Подолия, что сделало эти земли малолюдными. Как замечал один из современников, эти богатые и плодородные земли были бы процветающими, «если бы не набеги и вторжения татар»⁸⁹.

Ко всем названным следует добавить еще один немаловажный фактор – *религиозный*. В Польше и Литве помимо социально-экономического и национального притеснения существовало и религиозное. Эти факторы переплетались между собой и были неотделимы друг от друга. Поляки стремились навязать православному населению католическую веру, что естественно встречало отпор. В 1596 году была заключена Брестская уния, целью которой было присоединить православную церковь к католической. С этого момента начинается наиболее острая религиозная борьба на Украине. Очевидно, что господствующее положение в идеологии казаков православие заняло не сразу. Д. И. Эварницкий, например, замечал, что до 1596 года сложно найти в казачьем движении религиозные мотивы⁹⁰. Изначально привлекательность Запорожья была вызвана *социально-экономическими причинами* — крестьяне уходили в низовья Днепра в поисках лучшей доли и для защиты своей земли от набегов татар⁹¹. Только после подписания Брестских соглашений началась активная защита православия, подвергавшегося гонениям со стороны польских властей. Антиуниатские настроения населения Украины привели к значительному увеличению численности казаков за счет не

⁸⁴ Дракохруст Е. Галицкое Прикарпатье XVI в. и движение опришков // Вопросы истории, 1948. № 1. С. 46.

⁸⁵ Эварницкий Д. И. История запорожских казаков. – СПб., 1895. – Т. 2. С. 164.

⁸⁶ Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. – К., 1957. С. 88 (со ссылкой на Lubomirski Rolnicza ludność w Polsce od XV do XVIII w., т. II, Warszawa, 1857, стр. 830).

⁸⁷ Эварницкий Д. И. Указ. соч. С. 163.

⁸⁸ Там же. С. 163–164.

⁸⁹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. 1. – К., 1890. С. 61.

⁹⁰ Эварницкий Д. И. Указ. соч. С. 165.

⁹¹ Мышецкий С. И. История о казаках запорожских. – Одесса, 1852. С. 29.

только крестьян, но и любых других сословий. При этом православие стало играть объединяющую роль в Запорожье.

Следует заметить, что казачество формировалось и в других центрах, а само слово казак (козак) имело много различных значений в приграничных с казаками государствах, особенно в XV–XVI вв. Поэтому зачастую возникает неадекватная интерпретация исторических событий. Наибольшая путаница встречается в разграничении запорожских казаков с реестровыми казаками на Украине, так как официально реестровое войско называлось Войском Запорожским, хотя к Запорожской Сечи оно отношения не имело. Такое название реестрового войска Украины можно увидеть и в Переяславском договоре 1654 года⁹².

Первый набор в реестр (список) из 300 человек был осуществлен королем Речи Посполитой Сигизмундом Августом в 1572 году. Те запорожские казаки, которые не вошли в реестр, теряли легальное положение и могли быть закрепощены⁹³. С этих пор запорожцы стали одним из самых опасных врагов Речи Посполитой. В дальнейшем, поляки набирали и другие реестры. Например, король Стефан Баторий в 1576 году ввел реестр в 6 тысяч казаков⁹⁴. Требование увеличения реестра затем станет ключевой позицией украинского населения в борьбе с Речью Посполитой. Запорожская Сечь при этом продолжала существовать. После народного восстания Богдана Хмельницкого 1648–1654 гг. Запорожская Сечь попадает в сферу интересов России. При этом отпадает часть условий, привлекавших людей в Сечь, связанных с национальным и религиозным угнетением.

Таким образом, на образование и дальнейшее существование Запорожской Сечи повлиял целый комплекс факторов: политических, географических, социально-экономических, национальных, сословных, военных, религиозных. Из этого ряда факторов наиболее важными являются: расположение Запорожской Сечи в буферной зоне трех крупных государств и процесс колонизации малолюдных территорий. Без этих условий остальные полностью теряют свою значимость. Тем не менее, рассмотренные нами условия оказывали существенное воздействие на Запорожскую Сечь и развитие ее системы самоуправления. Теперь мы приступим к непосредственному рассмотрению этой системы самоуправления.

⁹² Ригельман А. И. *Летописное повествование о Малой России и ея народе и казаках вообще.* – М., 1847. С. 194–199.

⁹³ Голобуцкий В. А. *Указ.* соч. С. 89–90.

⁹⁴ Шамбаров В. Е. *Указ.* соч. С. 71.

1.3. Система самоуправления Запорожской Сечи

Условия, в которых образовалась и развивалась Запорожская Сечь вплоть до прекращения своего существования, безусловно, сказались на организации управления в самой Сечи и отношениях ее с соседними государствами, благодаря чему организация самоуправления в Запорожской Сечи представляла собой достаточно сложную систему, которая включала в себя целый ряд органов власти и должностных лиц. Для выполнения целей настоящей научной работы необходимо рассмотреть сущность системы самоуправления Запорожской Сечи и осуществить всесторонний анализ этой системы, порядка ее функционирования.

В Запорожской Сечи существовало военное и административно-территориальное деление, на основе которого осуществлялось общее и частное управление. Общим центром всех запорожских земель была Запорожская Сечь. Она представляла собой город-крепость, где находились войсковая администрация, склады, мастерские, арсенал, школы, церкви и курени (казармы). Для военной организации использовалось деление сечевиков по куреням. Максимальное количество куреней в истории Запорожской Сечи составляло 38. Для организации управления на территориях, принадлежащих запорожцам, эти территории делились на паланки (округа), где осуществлялось самостоятельное решение вопросов управления той или иной паланкой. Изначально паланок было пять, но постепенно, по мере роста населения, их число увеличилось до восьми. На левом берегу Днепра находились – Протовчанская, Орельская, Самарская, Каляшусская паланки. У устья Днепра – Прогноинская паланка. А на правом – Кодацкая, Бугогардовская, Ингульская паланки.

Вся система самоуправления Запорожской Сечи строилась на демократических началах. Структура самоуправления Запорожской Сечи отличалась на разных этапах своего существования. Исторические источники и литература сообщают о разном количестве административных должностей у запорожцев. Так, численный состав аппарата управления Запорожской Сечи варьируется от 49 до 149 человек⁹⁵. Однако войсковая рада и запорожский кош известны с самого начала существования Сечи. Для целей настоящего исследования целесообразно рассмотреть наиболее развитую структуру системы самоуправления Запорожской сечи, которая существовала в XVIII веке.

Высшей властью в Запорожской Сечи считалась войсковая рада (общее собрание), которая проводилась непосредственно на Сечи, куда съезжались представители всех паланок. Далее по иерархии следовала войсковая старшина: кошевой атаман, судья, писарь, есаул, куренные атаманы. У старшин были помощники. В паланках существовали свои начальники меньшего ранга.

Запорожский кош (правительство) возглавлял кошевой атаман. Символом его власти была булава. Он был наделен военной, судебной, административной и даже духовной властью, являясь главой сечевой церкви. Таким образом, он имел широкий круг полномочий: прием в Сечь новых казаков и разрешение на уход из Сечи желающих ее покинуть; военное руководство; раздел военной добычи и жалования от царя (от других правителей запорожцы практически никогда жалования не получали), дипломатия; обеспечение безопасности запорожских земель; выдача аттестатов для опытных запорожцев (чтобы они могли устроить свою карьеру за пределами Сечи); утверждение церковных служителей сечевой

⁹⁵ *Мышецкий С. И.* История о казаках запорожских. – Одесса, 1852. – Т. 1. С. 33; *Скальковский А.* История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. – Одесса, 1846. – Ч. 1. С. 55–58; *Ригельман А.* История о казаках запорожских, как оные из древних лет зачались, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся. – М., 1847. С. 16–17; РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 234.

церкви; утверждение решений рады по избранию старшин и по разделу угодий между куренями⁹⁶.

Кошевой атаман был «первым среди равных». В официальных документах и письмах Запорожской Сечи, обязательно ставилась подпись: «Атаман кошовый, зо всем старшим и меншим товариством войска его царского пресветлого величества низового запорожского» или «Атаман кошевый и товариство»⁹⁷. Его деятельность полностью подчинялась войсковой раде, перед которой он держал отчет. Так, например, в 1756 г. казаки, недовольные атаманом Федоровым, сместили его на раде и выбрали нового атамана Ф. Шкуро⁹⁸. За сильные злоупотребления кошевого атамана могли и казнить. Примером этому служит смерть атамана Якова Тукало в 1739 г.⁹⁹ Срок полномочий кошевого атамана составлял 1 год. Но возможны были неограниченные перевыборы на новые сроки. Так, например, истории известны кошевые атаманы, которые руководили запорожцами более 10 лет: И. Д. Сирко, П. И. Калнышевский. Это свидетельствует о том, что на должность кошевого атамана выбирались обычно наиболее достойные представители товарищества. Главным критерием выбора служили личные качества атамана, а не другие факторы. Исходя из указанного, становится очевидным факт народного самоуправления в Запорожской Сечи.

В военных походах кошевой атаман участвовал лично и обладал неограниченной властью. Для руководства на Сечи обычно оставался выбранный радой наказной атаман¹⁰⁰.

Основными доходами кошевого атамана были: земельный надел, достававшийся по общему жребью; царское жалование (в период Новой Сечи составляло около 70 рублей в год); часть пошлин, установленных на землях запорожцев; судебные виры (штрафы, платы), подарки по обычаям сечевиков¹⁰¹.

Особые полномочия имел войсковой судья, который вместе с кошевым атаманом, писарем и есаулом составляли запорожский кош. Судья являлся важным помощником атамана. Об этом свидетельствует тот факт, что именно судью чаще всего оставляли в качестве наказного атамана на Сечи во время отсутствия кошевого¹⁰². Основные функции войскового судьи заключались в расследовании уголовных и гражданских преступлений. Он также назначал начальника артиллерии, контролировал расходы Сечи и регулировал их, был хранителем сокровищ сечевиков и военного снаряжения (главным образом, артиллерии). Символом власти войскового судьи была большая сечевая печать. Эта печать использовалась во всех важнейших документах Запорожской Сечи. У судьи не было специальных доходов, кроме царского жалования: он жил и питался в своем курене.

Канцелярскими делами коша занимался войсковой писарь. У него были помощники: подписарь и канцеляристы. Число помощников было непостоянным и варьировалось по необходимости. К концу существования Сечи в 1775 году канцеляристов было 20 человек¹⁰³. В полномочия писаря входили: составление и подписание документов, в том числе и дипломатического характера, от имени кошевого атамана; осуществление расчетов; рассылка при-

⁹⁶ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 367. Л. 7–8.

⁹⁷ Эварницкий Д. И. Вольности запорожских казаков. – СПб., 1898. С. 312, 317, 318, 324, 325, 327, 328, 333, 338.

⁹⁸ Эварницкий Д. И. Сборник материалов для истории запорожских казаков. – СПб., 1888. С. 142–145.

⁹⁹ Мышецкий С. И. История о казаках запорожских. – Одесса, 1852. – Т. 1. С. 12.

¹⁰⁰ Эварницкий Д. И. Запорожье в остатках старины и преданиях народа. – СПб., 1888. С. 86, 189.

¹⁰¹ Мышецкий С. И. Указ. соч. С. 49–52; Эварницкий Д. И. Источники для истории запорожских казаков. – Владимир, 1903. – Т. 1. С. 1704–1705; РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 246, 261.

¹⁰² Мышецкий С. И. Указ. соч. С. 48–51.

¹⁰³ Скальковский А. А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. – Одесса, 1846. – Ч. 1. С. 5, 7; Ригельман А. Указ. соч. С. 21.

казов по куреням и паланкам; руководство над писарями из паланок и походных команд; принятие указов и посланий, поступавших на его имя¹⁰⁴.

Как утверждает А. И. Ригельман, Запорожская Сечь не создавала архивов, а исторические знания хранились в устном предании и народном творчестве. Но указы, присылаемые запорожцам, читались, и на эти указы они отвечали надлежащим образом¹⁰⁵.

Очевидно, что должность писаря занимали очень грамотные люди. Это придавало должности особый авторитет и уважение со стороны товарищества. Поэтому писаря очень редко переизбирали на радах. Так, А. А. Скальковский отмечает, что с 1734 по 1775 годы только четыре человека замещали должность писаря в Запорожской Сечи¹⁰⁶. Для писаря и его помощников существовало специальное помещение, где проживал еще и повар. Писарь также получал царское жалование. Символом властного достоинства войскового писаря была чернильница в серебряной оправе – каламарь.

Еще одним последним представителем коша являлся есаул. Он занимался: поддержанием дисциплины и порядка в Сечи, а во время военного похода – в войске; проведением дознания в отношении преступлений, совершенных на территории Сечи; охраной границ запорожских земель; защитой населения зимовников и слобод; обеспечением охраны проезда по землям казаков; исполнением судебных решений; заготовкой продовольствия на случай войны; продовольственным и денежным обеспечением казаков¹⁰⁷. Ему назначались в помощники подьесаул, войсковой довыш и на время военного похода войсковой обозный. Символом власти есаула была тростина: деревянная трость с серебряными кольцами на концах.

Особым статусом в среде запорожцев обладали куренные атаманы, которые избирались каждым куренем самостоятельно, что исключало вмешательство в этот процесс казаков других куреней. Запорожцы слушали куренного атамана «как своего отца», хотя могли низложить и переизбрать его за нерадение о своем курене¹⁰⁸. Интересно отметить тот факт, что тот, кто ранее не был куренным атаманом, не мог быть избран и кошевым атаманом. Куренных же атаманов избирали обычно из тех казаков, которые ранее занимали одну из должностей казачьих старшин. Должность куренного атамана представляется самой древней, так как известна еще у днепровских казаков до образования Запорожской Сечи.

Самыми главными задачами куренного атамана были обеспечение казаков своего куреня всем необходимым (продовольствием, топливом и т. п.) и хранение куренной казны. Он также вел куренные списки, следил за передвижением казаков, при необходимости призывал их в Сечь, осуществлял суд в своем курене¹⁰⁹. У куренного атамана была огромная власть внутри куреня. Он мог назначать телесные наказания за внутрекуренные проступки без старшин и рады¹¹⁰. Помощниками куренных атаманов были кухари (куренные повара). Кухарь замещал куренного при его временном отсутствии. На время военных походов избирался наказной куренной атаман, уходивший с войском, а сам куренной атаман оставался в крепости¹¹¹. Куренной атаман носил пернач как символ своей власти. У него также был небольшой значек (флаг) своего куреня. К концу XVIII в. куренные получали царское жалование – 27 рублей.

¹⁰⁴ Історія держави і права: Підручник / А. І. Рогожин, М. М. Страхов, Г. Д. Гончаренко та ін.; За ред. А. І. Рогожина. – К.: Ін Юре, 1996. – Т. 2. С. 147.

¹⁰⁵ Ригельман А. Указ. соч. С. 21.

¹⁰⁶ Скальковский А. А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. – Одесса, 1846. – Ч. 1. С. 66.

¹⁰⁷ Там же. С. 66.

¹⁰⁸ Ригельман А. Указ. соч. С. 20.

¹⁰⁹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 266. Л. 6–8.

¹¹⁰ Мышецкий С. И. История о казаках запорожских. – Одесса, 1852. С. 44.

¹¹¹ Скальковский А. А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. – Одесса, 1846. – Ч. 1. С. 71.

И, наконец, к последней низшей инстанции сечевого управления относились войсковые служители: войсковой обозный (возглавлял артиллерийское и фортификационное дело, следил за порядком); довбыш (заведовал литаврами, в которые били на сбор и тревогу); выполнял некоторые полицейские обязанности (взимал пошлыны, взыскивал недоимки), пушкарь (исполнял обязанности смотрителя тюрьмы), толмач (переводчик), кантаржей (хранитель войсковых мер и весов), шафарь (вел приходно-расходные книги, контролировал сбор пошлын), канцеляристы, школьные атаманы, а также войсковые табунщик, скотарь и чабан¹¹².

Выше по рангу войсковых служителей считалась походная и паланковая старшина, хотя и действовала она за пределами центра запорожских земель. К походной старшине, действовавшей во время войны, относились: полковник, есаул и писарь. В каждой паланке избирались: полковник (глава паланки), есаул, писарь, подьесаул и подписарий. Они действовали аналогично сечевой администрации, обладая административной, судебной, финансовой и военной властью. Следует заметить, что вместе с казаками в паланках жили и крестьяне (посполитые), которые избирали своих атаманов. Такие атаманы были в подчинении паланковой старшины¹¹³.

Развитая система управления Запорожской Сечи имела источник в народном самоуправлении. Поэтому наиболее детально мы рассмотрим деятельность высшего органа управления запорожских казаков – войскокой рады.

Общая войсковая рада проводилась в точно установленные дни каждого года: 1 января, 1 октября (праздник Покрова Пресвятой Богородицы) и второй или третий день после Пасхи. Но для решения очень важных и неотложных дел войсковые рады могли проводиться и в другое время. Войсковая рада сосредотачивала в своих руках всю полноту власти: она была высшим законодательным, судебным и исполнительным органом. Решения рады распространялись на все население Сечи и паланок.

Особого внимания заслуживает войсковая рада, проходившая 1 января, так как на ней происходил дележ земель и обычно выбирались должностные лица Запорожской Сечи. Например, И. В. Бенку в своем исследовании самоуправления запорожцев уделяет особое внимание январской раде, указывая на то, что это позволяет наиболее полно проследить систему самоуправления, сложившуюся в казачьей среде¹¹⁴. К освещению этого вопроса обратимся и мы.

Историки по-разному оценивают процедуру проведения рад, но все они принимают тезис о том, что коллективное народное решение важнейших вопросов является фактом внутренней самостоятельности самоуправления Сечи¹¹⁵. То мнение, которое определяет Запорожскую Сечь, как бандитскую организацию, представляется нам ошибочным. Так, например, показательным является случай, произошедший в 1675 году. Турецкий султан Мехмед IV решил уничтожить Запорожскую Сечь и для этого зимой направил 15 тыс. отборных янычар в Крым. Крымский хан Эльхадж-Селим Гирей должен был объединенными крымско-турецкими силами разрушить Сечь. Крымский хан решил напасть на Сечь на свят-

¹¹² Певнев А. П. Кубанские казаки: Пособие для учеников станичных школ. – Екатеринодар, 1911. С. 123.

¹¹³ Эварницкий Д. И. Сборник материалов для истории запорожских казаков. – СПб., 1888. С. 76, 130, 159, 172, 186; Эварницкий Д. И. Вольности Запорожских казаков. – СПб., 1898. С. 334; Мышецкий С. И. История о казаках запорожских. – Одесса, 1852. С. 81.

¹¹⁴ Бенку И. В. Система казачьего самоуправления с XVIII в. по 1860 год: На примере Донского, Запорожского и Черноморского казачьих войск: Дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2005. С. 117.

¹¹⁵ См. например: Эварницкий Д. И. Источники для истории запорожских казаков. – Владимир, 1903. С. 1779–1784; Эварницкий Д. И. Две поездки в Запорожскую Сечь Яценка-Зеленского монаха полтавского монастыря в 1750–1751 годах. – Екатеринослав, 1915. С. 13–15; Ригельман А. История о казаках запорожских, как оные из древних лет зачались, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся. – М., 1847. С. 17–20; Сементовский Н. Старина Малороссийская запорожская и донская. – СПб., 1846. С. 26–28.

ках Рождества Господня, предполагая, что запорожцы все будут пьяны, и с ними будет легко расправиться. Но как справедливо заметил Д. И. Эварницкий: «Хотя хан и знал, что войско запорожское привыкло в праздничные дни подпивать и беспечно спать, но не припомнил того, что множество этого же самого войска имело обыкновение собираться в праздник Рождества Христова до Сичи со всех низовых днепровских лугов и что большинство из этого войска были трезвые, а не пьяные люди»¹¹⁶. Таким образом, крымский хан напал на запорожцев в ближайшие дни после проведения войсковой рады, когда Сечь была заполнена казаками. А о том насколько запорожцы были «пьяны» свидетельствует результат сражения: потери казаков составили 50 убитых и около 80 раненых. О потерях же турок и татар громко говорит тот факт, что, сделав шесть прорубей в Днепре, казаки сбрасывали трупы басурман под лед целых два дня, а войско янычар было практически полностью уничтожено¹¹⁷.

Порядок проведения войсковой рады был следующим. Первого января празднично одетые сечевики и приехавшие из паланок казаки утром отправлялись в церковь. После церковной службы в каждом курене проходил праздничный обед. Затем казаки собирались на майдане (главной площади). По обычаю производился выстрел из самой большой пушки, имевшейся на Сечи. Из церкви, с разрешения кошевого атамана, выносились литавры и войсковой довыш бил в них, знаменуя начало рады. Есаулом устанавливалось войсковое знамя, и в центр майдана выходили войсковые старшины, неся свои символы власти: кошевой атаман с булавой или палицей, есаул с малой палицей, куренные атаманы с тростями, войсковой судья с серебряной печатью, писарь с пером и серебряным калымарем (чернильницей). Они выходили с непокрытыми головами, так как шли на суд товарищества¹¹⁸. Затем они кланялись на все четыре стороны. За каждым куренным атоманом выстраивались казаки его куреня, таким образом создавая коло (круг).

Рада начиналась с молебна, который служил сечевой священник. После молебна кошевой атаман обращался к казакам со словами: «Ныне молодцы! У нас новый год, надлежит нам по древнему нашему обыкновению раз дел в Войске рекам и урочищам учинить»¹¹⁹.

Далее начинался жребий, проходивший ежегодно в январе. Войсковой писарь клал в шапку ярлыки, на которых указывались территории, владеть которыми полагалось один год, до следующего жребия. К писарю подходили представители разных групп казаков и зачитывали в слух вытасченный ими жребий в следующем порядке: курени, старшины, духовенство, женатые казаки. Споры по жребию были неуместны. Распределение промыслов и территорий посредством жребия выработалось в среде запорожцев ввиду неоднородности казачьих земель. Часть земель была богата, другая часть – бедна, еще часть граничила с крымскими татарами, что представляло опасность. Таким образом, жребий позволял избежать противоречий в вопросе землепользования.

Распредив земли и промыслы, запорожцы приступали к следующей части рады. Кошевой задавал вопрос: «... может быть будете новую старшину избирать, а старых кого низвергать по вашим обычаям»¹²⁰.

Если старшины устраивали казаков, то рада заканчивалась. Старшины в таком случае оставались еще на один год, если, конечно, в течение этого года их не устранила новая рада. Так, например, кошевой атаман И. Д. Сирко сохранял свою должность 8 лет подряд из общих 12 лет атаманства¹²¹. Недовольство же старшинами приводило к их смене. В этом случае

¹¹⁶ Эварницкий Д. И. История запорожских казаков. – СПб., 1895. – Т. 2. С. 380–381.

¹¹⁷ Широкопад А. Б. Запорожцы – русские рыцари. История Запорожского войска. – М., 2008. С. 196.

¹¹⁸ Ригельман А. Указ. соч. С. 17.

¹¹⁹ Там же. С. 17–18.

¹²⁰ Там же. С. 17.

¹²¹ Эварницкий Д. И. Иван Дмитриевич Сирко. Славный кошевой атаман войска запорожских низовых казаков. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1894. С. 9.

старшины оставляли свои знаки власти, благодарили товарищество за оказанную им ранее честь и уходили из центра майдана. Казаки также могли потребовать от них отчитаться о проделанной работе.

Затем начинались выборы новых должностных лиц. Проходили они путем выкрика кандидатур. Обычно, каждый курень старался выдвинуть своего кандидата. Каждый из тех, чье имя выкрикивали казаки, услышав свое имя уходил в курень к которому относился, дабы не оказывать влияния на выбор и не быть причиной раздоров. Раздоры возникали часто и могли затягиваться надолго. Могли происходить и драки, погромы, иногда и убийства, путем которых подавлялась часть мнений о кандидатах. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) представлены случаи беспорядков при выборах нового кошевого атамана и старшин за 1748 год¹²². Также могло происходить деление на группы, и спор решался их противостоянием¹²³. Так, например, Д. И. Эварницкий приводит свидетельство монаха Яцек-Зеленского, посетившего Сечь в 1750 году, о погромах и избиении есаула Клина на раде¹²⁴. Пьянство было одной из причин таких беспорядков. А усмирение запорожцев, которые переходили рамки дозволенного, входило в обязанность куренных атаманов, так как они обладали особым авторитетом в своих куренях.

Беспорядки, часто возникали из-за стремления подкупом решить исход выборов на раде со стороны запорожских старшин или правительств заинтересованных государств. И. В. Бенку в своем научном труде приводит архивные сведения о стремлении российского правительства устранить с должности кошевого атамана Константина Гордиенко¹²⁵. Подкуп часто осуществлялся через раздачу алкоголя. Следует отметить, что такие действия не имели успеха, так как, даже если и удавалось протащить своего кандидата, то он смещался из-за непопулярности его действий.

¹²² РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 693. Л. 1—13.

¹²³ Короленко П. П. Материалы по истории войска Запорожского, извлеченные из дел Харьковского исторического архива. – Харьков, 1896. С. 33—35; Ригельман А. История о казаках запорожских, как оные из древних лет зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся. – М., 1847. С. 20.

¹²⁴ Эварницкий Д. И. Две поездки в Запорожскую Сечь Яценка-Зеленского – монаха полтавского монастыря в 1750–1751 годах. – Екатеринослав, 1915. С. 15–16.

¹²⁵ Эварницкий Д. И. Две поездки в Запорожскую Сечь Яценка-Зеленского – монаха полтавского монастыря в 1750–1751 годах. – Екатеринослав, 1915. С. 15–16.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.